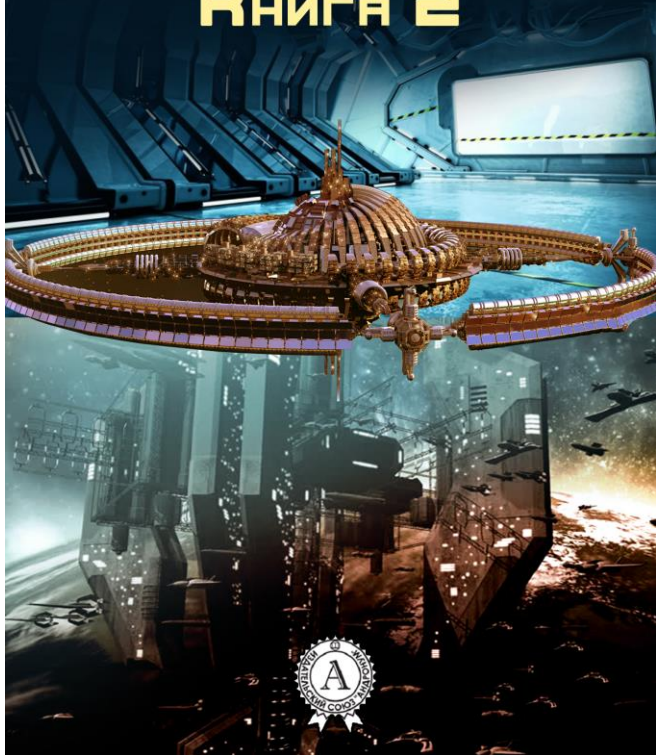

ПОХОДЫ БЕНЕДИКТА СПИНОЗЫ

Алексей Корепанов

МОЖАЙ

Книга 2

«Можай» — вторая книга цикла «Походы Бенедикта Спинозы».

Следователь Шерлок Тумберг даже и предполагать не мог, куда приведет его новое дело об ограблении.

В отличие от него, экипаж супертанка серии «Мамонт» знал, куда и зачем его направляют в этот раз.

Студентки Эннабел и Уля проверяли правильность теории о космоворотах, но вовсе не собирались в них попадать.

Капитан дальнолета «Нэн Короткая Рубашка» Линс Макнери выполнял очередной рейс через Галактику, рассчитывая, как всегда, на благосклонность космических богов. А боги подкачали.

Ну, а у «лица свободной профессии» Станиса Дасаля просто не было выбора...

И получилось так, что их судьбы связаны с теми событиями, что происходили в далекие-предалекие времена.

Походы Бенедикта Спинозы:

Прорыв

Можай

Авалон

Грендель

Алексей Корепанов

Книга 2. Можай

«Выхода нет».

Из

**предупреждающих
надписей Темных
веков.**

Пролог

— Три хвоста кабранга мне в глотку... — пробормотал Юрри Урбант, светя ручным фонарем в очередной дверной проем. — И тут тоже пусто...

— Дело дрянь, — мрачно выдохнул у него за спиной Слав Боровей.

— Может, хоть что-то завалилось? — с надеждой подала голос его жена Инира. — Неужели в таких хоромах, и ничегошеньки?..

— Сейчас посмотрим, — буркнул Урбант и, опасливо покосившись на потолок, шагнул вперед.

Они, действуя так, как давно уже было отработано, разбрелись по довольно обширному помещению, рассекая подземный мрак лучами фонарей и прощупывая нагрудными сканерами пол,

стены и потолок в поисках скрытых полостей. За время, прошедшее после землетрясения, сюда уже успел проникнуть воздух, и дышалось здесь пусть и не как на морском побережье, но более-менее нормально. К тому же эти трое знали, куда идут, и приняли оксигенопрепарат, так что чувствовали себя вполне комфортно — физически. Но не морально. Потому что древнее пепелище пока не принесло ни одной ценной находки.

Каждый из этой троицы был специалистом своего дела — не первый год они такой компанией копались в недрах разных планет Межзвездного Союза. И целью их были отнюдь не природные богатства. Со времен Темных веков любителей подобных занятий называли «черными археологами», и такая деятельность считалась противозаконной. Урбант и чета Боровей действовали не наугад — в группу «охотников за сокровищами» входили и те, кто отслеживал все события в мире археологии и определял наиболее перспективные для поисков места, опережая официальные экспедиции. Пока ученые-археологи решали вопросы с организацией и финансированием, их соперники, не стесненные в средствах, уже снимали сливки. И сбывали эти самые сливки частным коллекционерам. А те, разумеется, не кричали на всех углах, каким образом попал в их коллекцию тот или иной

раритет. Вот и сейчас «черные» сработали оперативно. Им хватило сообщения в массмедиа о том, что в результате землетрясения на одном из континентов планеты Мхитар открылись какие-то развалины, неизвестно чьи и неизвестно какой давности. Порывшись в специализированных источниках, предназначенных для археологов, сообщники Урбанта выяснили, что, во-первых, речь идет о совсем уж дремучей старине (развалины были обнаружены местными жителями на дне разлома чуть ли не полукилометровой глубины), а во-вторых, изучать их будут, в лучшем случае, в следующем году. Своих археологов на малолюдном Мхитаре не имелось, у региональной археологической службы не хватало ни сил, ни средств для такого мероприятия, а в союзной структуре все работы были расписаны до конца года. Поэтому дело ограничилось видеосъемкой с опущенного в разлом зонда (да и то этим занималась местная полиция, а не ученые) и десятком водруженных столбов с предупреждением о недопустимости пребывания кого бы то ни было на данной территории. Если только этот «кто-то» не является официальным археологом с официальным же разрешением производить исследования. Ну, и за счет местного бюджета (с обещанием вернуть средства) наняли пяток охранников из числа аборигенов-севанов — смуглых носатых курчавых

коротышек, которых любой «черный археолог» не то что вокруг пальца обведет, но и использует в качестве дешевой рабочей силы.

Однако Юрри Урбант прибегать к такому не стал — не было необходимости. Технически его группа была оснащена превосходно (благодаря тому, что добытые в разных мирах раритеты Урбант с компаньонами продавал за очень хорошие деньги), копать тут было не надо — улучи момент, когда сторожа спят (а спали они часто и с охотой), спускайся в образовавшийся разлом и броди по руинам, выискивая ценности. Километрах в трех от разлома находился поселок пандигиев, эти были гораздо смышленее севанов и вполне могли и сами порыться в древностях. Но их поселок пострадал от катаклизма, который свершился неожиданно для планетологической службы (ее специалисты в один голос утверждали, что никаких предвестий землетрясения не отмечалось), и теперь у пандигиев забот хватало. Некогда им было копать в разломе.

Группа Урбанта прибыла на Мхитар под видом туристов, на собственной космической яхте. «Черные археологи» загрузили нанятый мобиль и переместились из космопорта на север континента. Расположились они в лесу, километрах в двадцати от интересующего их места, дабы не привлекать внимания, и несколько дней всюю изображали бездельников. Купались, ловили рыбу, гуляли по

лугам и пели песни у костра. Вероятность того, что за ними будут наблюдать, была ничтожно мала, но опытный Юрри Урбант предпочитал все делать осторожно, со страховкой. Наверное, именно поэтому его группа и продолжала до сих пор успешно орудовать на разных планетах. Собственно, дело тут было не столько в возможности получать большие деньги (хотя и это играло немаловажную роль) — просто троице очень нравилось такое занятие. Можно сказать, это было их призванием.

Оставив на поляне палатку и горящий костер, они совершили ночной марш-бросок. И с первыми лучами Арэва уже спускались в разлом на тросах, ничем не потревожив сон сторожей-севанов. Прочность древнего строения приводила в изумление — перекрытия не только не рассыпались за много веков, но и продолжали выдерживать невообразимо тяжелый груз позднейших наслоений. Как показал осмотр, это было обширное трехэтажное здание с множеством помещений, да вот незадача — все они оказались пустыми. Создавалось впечатление, что хозяева выселились отсюда, забрав мебель и все пожитки до самых мелочей. Или же содержимое помещений с течением времени обратилось в прах. Почему жильцы покинули дом? Эвакуировались при наступлении врагов? Бежали от эпидемии? Или не

эвакуировались, а были убиты захватчиками, которые и разграбили тут все до нитки?

Впрочем, причины троицу не очень интересовали. Главное — экспедиция грозила оказаться бесприбыльной. И это не могло не удручать...

— Пять хвостов кабранга... — голос Юрри Урбанта, замершего у дальней стены, был напряженным. — Что-то есть! — Он смотрел на экран своего сканера и скреб жесткую, черную с проседью бороду.

— А ну-ка!.. — подскочил к нему коренастый и такой же бородатый Слав Боровей.

Миниатюрная крепенькая Инира подбежала с другой стороны.

— Вот, — Урбант постучал согнутым пальцем по экрану. — Полость. И в ней что-то есть...

— Скрытый сейф! — воскликнул Слав, направив фонарь на стену.

— Не обязательно сейф, — охладил его пыл Урбант. — Может, всего лишь бар с местным плодово-ягодным...

— Или оружейный шкафчик, — добавила Инира.

Урбант достал из наплечной сумки резак — световые дорожки фонарей супругов Боровей сошлись в нужном месте на стене — и принялся за дело.

Перед таким инструментом не устоял бы и космосинт, идущий на обшивку дальнолетов. Однако прошло немало времени, прежде чем стихло монотонное шипение резака. Вырезанный прямоугольник извлекли из стены и уложили на пол — и глазам «черных археологов» открылась небольшая и неглубокая ниша с двумя полками. Ее содержимое тускло засветилось, отражая лучи фонарей.

— Семь хвостов кабранга! — воскликнул Урбант. — Кажется, будет-таки на нашей улице праздник! И с плодово-ягодным я тоже вроде не промахнулся...

На полках стояли четыре плоских, похожих на фляжки сосуда, цвет которых наводил на мысль о том, что без золота тут не обошлось. Столь же радовали глаз три вещицы, похожие на браслеты. А также какая-то массивная на вид коробочка — шкатулка? — нечто, смахивающее на витой подсвечник, и надетое на один из его отростков кольцо. Оставалось только гадать, почему хозяева не забрали все это с собой, покидая свое жилище. Или жильцам пришлось уходить, когда владелец отсутствовал (был убит?), а другие не знали о тайнике?

Гадать об этом искатели кладов тоже не стали. Нужно было ковать, так сказать, железо... Точнее, какой-то сплав, придуманный древними мастерами.

Находки одна за другой исчезали в сумке Юрри Урбанта. Прежде чем отправить туда же и кольцо, он покрутил его в пальцах, чувствуя приятную тяжесть украшения и стараясь разобрать выющиеся по золоту черные узоры, похожие на какие-то символы. Супруги Боровей восторженно дышали рядом.

— Я уже знаю, кому предложить эту цацку, — задумчиво сказал предводитель «черных археологов». — И мы наконец-то сможем позволить себе купить маслица к хлебушку на завтрак.

— И на обед останется, — заулыбался сквозь бороду Слав Боровей.

— А ужин все равно отдавать врагу, — хихикнув, добавила его жена.

Их голоса растворялись в тишине, воцарившейся здесь с тех времен, когда не было в Галактике никакого Межзвездного Союза. Да и Земля-прародительница не знала еще, кто такие Адам и Ева — ее населяли иные творения...

Глава 1. Знакомые всё лица!

Мы приземлимся за
столом,
Поговорим о том о

сем...

Из песни Темных веков.

Боги Космоса тридцать лет благоволили капитану Линсу Макнери, и, кажется, им это приелось.

Но капитан пока не подозревал о том, что отношение богов изменилось. Не имелось у него оснований. Он пребывал в самом что ни на есть благодушном настроении — рейс через двадцать восемь миров Северо-Западного шарового сектора Галактики подходил к концу. Дальнолет Космофлота «Нэн Короткая Рубашка» (он же «Пузатик») славной серии «Кюндай» только что стартовал с планеты Селеби в системе Пикачу, и всего один переход через подпространственный тоннель отделял его от родной Лабей. А там — заслуженный отдых до нового рейса, и можно будет вместе с женой (или лучше без жены) хоть каждый день ходить на море, ведь лето в разгаре... Купаться... Загорать... Сидеть в прибрежных кабаках, попивая что-нибудь умеренно крепкое, никуда не спеша... Смотреть футбол... Или взять катер да отправиться вдоль побережья... А еще лучше — махнуть на озера и вволю порыбачить!

Все шло просто замечательно — только вчера

капитан вместе с частью экипажа неплохо отдохнул в таверне «Богема» космопорта «Динтин» на Селеби. А до этого, столь же неплохо, — в таверне «Золотые яблоки Афродиты» порта «Ньютон» на Яблочке... И в таверне «Столовая № 2» порта «Центральный» на Бурдужанге... И... В общем, было что вспомнить, причем воспоминания в голове теснились только приятные. Хотя солидным объемом они не отличались — большие дозы алкоголя, как известно, имеют привычку отшибать память.

А как неудачно начинался предыдущий рейс! До сих пор у космического волка мурашки пробегали по всему телу и даже по рыжей бороде, когда в голове нет-нет да и всплывали события десятимесячной давности. Тогда, после нырка в первую же Дыру, с лайнера совершенно невероятным образом исчезли два пассажира. Шуму эта история наделала много, отнюдь не способствуя повышению авторитета Космофлота и играя на руку конкурентам — Звездофлоту. Прибывшая полиция прошерстила весь «Пузатик», но безуспешно. Судьба Макнери висела на волоске, дело шло к тому, чтобы прекратить межзвездные рейсы, и рыжая борода капитана все больше седела. Правда, потом начала восстанавливать свой цвет. Во-первых, руководство Космофлота не увидело в случившемся вины капитана. А во-вторых, вскоре

на борт дальнолета пожаловала целая компания¹, в которой Линс Макнери с неопишуемой радостью увидел пропавших между системами Беланды и Пикачу высоченного сапиенса Уира Обера и молодую красавицу Эннабел Дикинсон, дочь лабейского предпринимателя. Оба они были в целости и сохранности, и волосок, на котором висела судьба капитана, тут же превратился в прочный канат.

Разумеется, Линсу Макнери не терпелось узнать, как ухитрились исчезнуть с дальнолета Уир Обер и Эннабел Дикинсон, и откуда эта компания заявила на «Пузатик». К величайшему огорчению капитана, ответов на эти вопросы он так и не получил. Следователь Шерлок Гумберг пояснил ему, что все подробности происшествия являются государственной тайной, не подлежащей разглашению, да и зачем ему, Макнери, ветерану Космофлота, эти подробности? Чтобы не спать по ночам от осознания того, что он владеет государственной тайной? Нужно ли ему такое бремя? И капитан согласился: не нужно.

Да, слава богам Космоса, все тогда

---

¹ События, предшествовавшие появлению этой компании на борту дальнолета «Нэн Короткая Рубашка», описаны в романе «Прорыв». (Здесь и далее — примечания автора.)

закончилось благополучно — дальнолет прибыл в родной туратренский космопорт «Прибрежный», и весь сменный экипаж «Пузатика» на три с лишним месяца распрощался с космическими безднами. В следующий рейс лайнер должна была повести другая команда во главе с Зуро Инталько — еще довольно молодым, но опытным капитаном.

И вот — новый рейс. Весенней порой лайнер покинул старт-финишную платформу «Прибрежного» и через тридевять космических земель вновь устремился к конечному пункту — планете Джаджедже. На этот раз все шло хорошо — дальнолет пулей проскакивал сквозь подпространственные тоннели, и никто из пассажиров никуда не исчезал. Все вели себя вполне прогнозируемо, веселясь в барах и ресторанах, и Серость, таящаяся в тоннелях, уже не казалась капитану зловещей. Точно по расписанию прибыли на Джаджедже — и, отметившись в местной таверне, отправились в обратный путь. Отремонтированная печень капитана без труда справлялась с коньяком из любимого шкафа, все шло штатно, экипаж работал слаженно. А на Цинтии появился повод для дополнительной радости — там из-за проблем с двигателями застрял «Новый быстроход» Звездолота, не доставив пассажиров и грузы по назначению, и на репутации конкурентов появилось большое некрасивое пятно.

Ничто не омрачало обратный путь — пассажиры сходили с борта и поднимались на борт, погрузка-разгрузка шла четко, без заминок, одна за другой оставались за кормой Дыры, и в коридорах, кажется, уже витали запахи матушки-Лабеи. Разве что короткое пребывание на Шавьерии несколько смазало общую прелестную картину рейса. Видимо, знаменитая «олдёвка» владелицы таверны «Три хорька» Бронни Гро нехорошо подействовала на расслаблявшихся там местных портовиков, и они принялись цепляться к мирно поглощавшим сей изумительный напиток людям с «Пузатика». Слово за слово — и в ход пошли стулья, метеороидами полетели тарелки, стаканы и бутылки, и сверхновые засверкали в головах у тех, кто пропускал удары. Дело могло закончиться весьма плачевно как для заведения, так и для участников потасовки, если бы не смекалка чернявого паренька Джамшута из команды «Пузатика». Он опорожнил на пол внушительную емкость с тафосским маслом, все начали скользить и падать, а тут вмешалась и сама хозяйка, успокаивая наиболее рьяных портовиков массивным половником. Это у нее получалось так хорошо, что «пузатики» смогли с достоинством покинуть поле боя.

Были, конечно, во время рейса и другие шероховатости, но все они держались, так сказать, в пределах нормы, и их никак нельзя было считать

чем-то из ряда вон выходящим. То какой-нибудь прибор барахлил, то случались накладки с заданиями подразделениям экипажа, то пассажиры забивали канализацию, кидая в унитазы такое, что нельзя было понять, как им это в голову могло прийти... Несмотря на постоянные предупреждения! А чрезмерный расход воды уже был вроде правила — пассажиры каждый раз принимали душ так долго, словно делали это впервые в жизни. Может, таким образом пытались хоть чуть-чуть восстановиться после зависания в барах и ресторанах? Как и чуть ли не в каждом рейсе, не обошлось без того, что кое-кому стало плохо после выхода из очередной Дыры — и в семидесяти процентах случаев это было связано со злоупотреблением спиртными напитками. Хотя капитану Макнери коньяк, напротив, помогал нормально чувствовать себя при бросках через подпространство.

Но все это были мелочи, на которые не стоило тратить нервы. Потому что избавиться от такого рода грязных пятнышек на прекрасной картине не удавалось ни в одном рейсе. И вряд ли когда-либо удастся. А если и удастся, говорил себе капитан, то в каком-то другом Универсуме, населенном иными существами.

Вот так и мчался лайнер по звездным дорогам, оставляя позади одну планету за другой.

Когда «Пузатик» прибыл на Селеби, в космопорт города Динтин, и на борт взошли новые пассажиры, капитан Макнери увидел среди них знакомых из прежней компании, посетившей дальнолет десять месяцев назад. Это были старикан Хорригор и парочка Обер — Маркасса. Хорригор сменил свою желтую тунику на пепельную, а сандалии — на более приличные серые ходунцы, и выглядел уже не так провинциально. Гигант Уир Обер (он был на голову выше двухметрового капитана!) так и не расстался с длиннополым плащом под цвет туники Хорригора. Маркасса тоже не изменила любимому, видимо, цвету — черному. Правда, майка и джинсы явно были не теми, в которых она когда-то предстала перед Макнери между пакгаузами порта «Ньютон» на Яблочке, и светлым ходунцам она теперь предпочла пурпурные, на такой же толстой подошве. И дополнила свой наряд короткой черной курткой с серебристыми вкраплениями.

Капитан дальнолета перед стартом не может позволить себе тратить время на длительное общение с пассажирами. Поэтому дело ограничилось короткими приветствиями и предложением посетить капитанскую каюту, — но не ранее чем через пять часов после взлета с Селеби. На это у Макнери были свои причины. Точнее — причина. И называлась эта причина так:

«космические бабочки». Именно их ветеран Космофлота намеревался принять на борт, когда грузопассажирник ляжет на курс к Дыре. Этим деликатным делом занимался первый помощник капитана Элвис Коста. Воспрепятствовать прибытию космических бабочек на борт лайнера могло, в данном случае, только одно обстоятельство: бдительность космополиции. У «трясунов», как их называли в народе, всегда найдется повод для того, чтобы «тормознуть» одинокую яхту, и оставалось надеяться лишь на то, что у них сейчас время обеда... Или же хозяин бабочек сумел найти общий язык с работниками этого подразделения органов охраны правопорядка. Бабочки в количестве двух экземпляров оказывали услуги согласно своему профилю пассажирам — сколько успеют и за деньги, и членам экипажа, включая капитана, — бесплатно. Но не более трех человек в каждом рейсе в одну сторону. Капитан мог уступить свое право любому своему подчиненному — например, в порядке поощрения. Собственно, он так и собирался сделать в этот раз, поскольку до остановки на Селеби его изрядно потрепала барменша одного из питейных заведений «Пузатика», круглолицая голубоглазая пышечка Пинни Гро (не путать с Бронни Гро с Шавьери!) Причем не в первый раз... Бабочки должны были работать до посадки на Лабее, а потом их ждал

другой лайнер Космофлота. «Специалистки» время от времени менялись, и капитан с удовольствием «общался» с новенькими в своей каюте.

Процесс прибытия бабочек на борт дальнолета Линс Макнери всегда контролировал лично. Вот и теперь, получив доклад о приближении космической яхты к «Пузатику», он покинул капитанское кресло в рубке управления и в сопровождении бритоголового поджарого смугляка Арафа (тот аж вспотел в предвкушении) направился к служебной шлюзовой камере, расположенной под первой палубой лайнера.

Выпорхнувшая из шлюзового люка в коридор белокурая красotka в строгом брючном костюме цвета утреннего неба и с объемистой сумкой на плече была ему хорошо знакома — Макнери уже не раз проводил с ней время в пути. А вот вторая жрица любви, появившаяся вслед за Клео, впервые ступила на борт «Пузатика». Во всяком случае, капитан ее не знал. И мысленно пожурил ненасытную Пинни Гро, лишившую его возможности поразвлечься с новым объектом. Впрочем, до финиша было еще далеко, и Макнери надеялся, что успеет восстановиться — просто должен успеть! — и все-таки воспользуется своим капитанским правом.

Новенькая была выше Клео и выглядела весьма загадочно: всю ее фигуру скрывала

разноцветная, с блестками, накидка, а голова была обмотана столь же разноцветным платком, так что виднелись только черные глаза. Эта девушка явно не хотела являть свои прелести каждому встречному-поперечному, и разглядеть их мог только клиент. Макнери оценил такой ход. Судя по тому, как громко причмокнул Араф, тот мыслил в таком же ключе.

Клео, покачивая бедрами, подошла к ним.

— Привет, мальчики! Все летаете? Крылышки не устали?

— Привет, Клео! — весело блеснул зубами Араф. — Вы же не устаете!

— У нас работа, — не менее весело блеснула глазами блондинка.

— И у нас работа! — еще раз просиял Араф.

Капитан громко кашлянул в кулак, одернул синий полетный китель и расправил плечи.

— Представь-ка напарницу, Клео, а то она что-то скромничает.

— Ах, да... Это Стани, дебютантка. Из наших, динтинских. С высшим образованием, между прочим.

— Образование — это, конечно, хорошо, — с сомнением сказал Макнери, разглядывая потупившуюся новенькую. — Без образования сейчас никак. Но если она так же работает, как говорит...

— Меньше слов, больше дела, мальчики, — улыбнулась Клео. — Говорит она не хуже, чем работает, отвечаю. И поет просто замечательно, заслушаться можно. Просто мы вчера отмечали ее контракт, и она допелась до того, что голос сорвала. Поэтому разговаривать пока может только тихонько. Скажи им, Стани!

— Да, немножко перестаралась, — из-под платка хриловатым шепотом подтвердила черноглазая. — Но ведь голос не главное, правда? Мы же вроде не петь сюда прибыли. Или как?

— Совершенно верно, — кивнул Макнери. — Это Звездодлот своих пассажиров песнями вживую потчует, так у них же из-за этого и стоимость проезда о-го-го! Занебесная! У нас тут, конечно, поскромнее будет, не спорю, знаменитости разные на скрипках и пианинах не играют и в барабаны не колотят. Но у кого объем перевозок больше, а? Как вы думаете? У нас больше! — он постучал себя кулаком по широкой груди, словно опровергая собственные слова о барабанах. — У нас, а не у этих выдумщиков!

— И намного больше, — подтвердил Араф.

— Вот именно! — Капитан обвел победоносным взглядом молча слушающих камелий и махнул рукой. — Ладно, время, сами знаете, — деньги. Араф, веди специалисток. Удачно потрудиться, красотки!

— И вам не сплеховать, господин Макнери, — игриво стрельнула в него глазами блондинка.

Жрицы любви, сопровождаемые разве что не облизывающимся Арафом, направились в двухместную каюту — капитанский резерв! — чтобы переодеться и прихорошиться перед трудовой сменой, а Макнери еще немного постоял, глядя им вслед. И с Клео ему хотелось побыть, и со Стани познакомиться поближе... но ведь надо было экономить силы, чтобы до пенсии дотянуть... Противоречивые мысли вели борьбу в его голове, топтались, сопели, вязали друг друга, старались провести захват и подсечку, и трудно было сказать, сколько это может продолжаться. Капитан вцепился рукой в рыжую бороду, словно надеясь именно оттуда извлечь решение проблемы, и даже закричал в попытке определить собственную позицию. Тут мог бы помочь коньяк, но фляжку Макнери с собой не взял, а значит, нужно было направляться в свою каюту.

И уже в лифте он принял решение: пусть лайнер пройдет Дыру, а там видно будет. Хотя ему уже сейчас было видно, что он готов распробовать новенькую. А Клео... а Клео — в следующий раз. Тут он вспомнил, что предстоит еще прием Хорригора, Обера и Маркасы, и постарался на время забыть о космических бабочках. А вот о том,

что неплохо бы подкрепиться коньячком, не забыл. И подкрепился, как только пришел в свои апартаменты.

До входа в Дыру оставалась еще уйма времени, и Макнери радостно подумал, что намечавшуюся беседу с обильными угощениями и возлияниями можно будет продолжать до упада. Экипаж свое дело знал и вполне мог обойтись без вмешательства капитана. Да и кто такой капитан на судне? Он — как бог в монотеизме. Когда все идет хорошо, о нем не вспоминают, а вот когда плохо — зывают к нему, и именно за ним остается решающее слово. Которое, правда, может ничего уже и не решать... Но за все время пребывания Линса Макнери в должности сменного капитана дальнолета «Нэн Короткая Рубашка» ему не приходилось произносить этого решающего слова. И он очень надеялся, что и не придется...

— Вижу, что со снабжением у вас по-прежнему нет проблем, — заметила Маркасса, сев за стол, который был уставлен чем только можно для ублажения желудка.

К тем яствам, которыми Макнери потчевал ее во время довольно давнего завтрака наедине — керумийской запеканке, квапкам, булькам в собственном соку, щилвицам, бундикам, трандарею, — добавились благоухающие на весь Космос дальнийские пицули, столь памятные сыну

Маркасы Тангейзеру Диони, и много-много прочего. Не менее приятного если не на вид, то на вкус.

— Проблемы пусть будут у Звездолота, — усмехнулся капитан, щедро наливая ей в бокал саронское белое.

Для Обера и Хорригора он выставил на стол коньяк «Арарат». Ну, и для себя тоже, естественно.

— А лучше пусть ни у кого проблем не будет, — прогудел Обер, тряхнув спадающими на плечи волнистыми желтоватыми волосами, разделенными пополам пробором.

Плащ он, по своему обыкновению, не снял. Изящно держа вилку тонкими пальцами, пандигий осторожно прокалывал бундики на своей тарелке, выпуская из них сок. Кожа на тыльной стороне его ладоней была матовой и гладкой, контрастируя с изобилующим морщинами и складками лицом. Макнери в очередной раз подумал, что Обер очень напоминает архангела с картин Темных веков... Только этот архангел изрядно потрепал ему нервы своим исчезновением.

Хорригор уже придвинул к себе тарелку с пицулями и с вождедением косился на коньяк. Он изрядно хлебнул этого чудесного напитка в прошлый полет на «Пузатике», и видно было, что ему не терпится припасть к рюмке. Линс Макнери его нетерпение прекрасно понимал, поэтому не стал

тянуть. Хотя сам уже влил в себя немало в ожидании гостей.

— Ну, что, господа, — держа рюмку перед собой, сказал он. — Рад вновь видеть вас на борту нашего труженика звездных дорог, который даст сто очков вперед всем корытам Звездофлота вместе взятым... Рад видеть вас в моей каюте, где прошла значительная часть моей жизни. Еще больше рад, что никто из вас, кажется, не собирается исчезать, — он покосился на Обера, — и надеюсь, мы славно проведем время в дороге, да будет она легкой и завершится благополучно. Хотите — верьте, хотите — нет, но если бы мне по прибытии на Лабею предложили перейти капитаном на новый корабль, я бы отказался. Самым решительным образом, даже если бы меня умоляли! Я говорю без капли лукавства, мне незачем кривить душой перед вами. Этот без малого шестнадцатилетний дальник я не променяю ни на какой другой, пусть даже самый совершенный и самый быстрый. И если бы меня спросили: «Линс, где ты хочешь закончить свой жизненный путь?» — я бы ответил: «Только здесь!» Ибо «Пузатик» для меня гораздо больше, чем просто корабль. Он — часть меня самого, он мне роднее жены и детей. И будь моя воля, я, выйдя на пенсию, поставил бы его у себя на даче и смог бы сказать себе: «Линс, вот теперь ты абсолютно счастлив!»

Выпитый коньяк будоражил мозги, и Макнери мог продолжать в таком же духе до самого входа в Дыру, а то и дальше. Но, перехватив взгляд Хорригора, понял, что тот едва сдерживает себя.

— А поэтому давайте выпьем, — быстренько закруглился капитан и добавил еще одну рюмку к тому озерцу, что уже образовалось у него в желудке.

Все выпили, закусили, выпили еще... и еще... и вновь закусили — и потекла за столом неторопливая беседа, столь приятная, когда знаешь, что никуда не надо спешить. Макнери живописал далекие миры, которые посетил «Пузатик», — точнее, подробно перечислил выпитое и съеденное им и его командой в разных портовых тавернах. А гости поведали о том, что поделявали за время, прошедшее с их предыдущего пребывания на борту лайнера.

Маркасса занялась в Дангобере общественной деятельностью, включившись в движение противников рытья канала в окрестностях Редкина Клина. Канал мог нанести непоправимый урон местной экосистеме. Так же активно она действовала и в группе контроля за сохранностью лесных богатств края, которые руководство местного деревообрабатывающего комбината почему-то начало считать своей собственностью. А еще она не забыла о том, что говорила капитану

Макнери, и действительно взялась за создание Комитета помощи осужденным военным служащим, от имени которого уже собирала деньги на «Пузатике» (точнее, собирали подчиненные капитана) для отправки лакомств на планету Пятая Точка. Пусть ее сын уже и вышел на свободу, но сколько подобных ему военных продолжали отбывать наказание в разных местах Межзвездного Союза...

Уир Обер тоже успел отметиться хорошими делами. Он взялся за выявление всех своих сородичей, проживающих на территории Союза, и установил связи с общиной пандигиев на Мхитаре. Вспомнив трудное детство на Азеведии, перечислил немалую сумму на освоение тамошней горной системы Крантратрокс, где с давних времен имелось несколько селений пандигиев. Вместе с Маркассой побывал у ее родственников на Яблочке — это было первое посещение Маркассой родного дома с тех пор, как она, беременная, покинула его и отправилась в другие края искать работу. Как их там приняли, Обер не рассказывал, Маркасса тоже промолчала, из чего можно было сделать вывод: не очень тепло... Кроме того, Обер произвел солидное финансовое вливание в университет имени Химаила Монолоса на Лабее, в Квамосе, где училась Эннабел Дикинсон. Кстати, успешно сдавшая очередную сессию. Ее отец тоже не

остался в стороне, как и родители Хорригора Тронколена, и в результате столичный университет приобрел научно-исследовательский космоход, предназначенный, в первую очередь, для нужд кафедры цикломатрики. Космоход получил имя «Занди» — в честь жены Троллора Дикинсона Изандорры Тронколен (родной сестры Хорригора), много лет назад пропавшей в космовороте на окраине планетной системы Беланды.

Откровенно говоря, Уир Обер был очень заинтересован в том, чтобы поиски Занди увенчались успехом — Троллок внове обретет жену и не будет иметь виды на Маркассу; он был героем ее давнего короткого курортного романа, а результатом этого романа явился Тангейзер Диони... Хотя Троллок никаких видов на Маркассу, кажется, и не имел, да и пандигийка, судя по всему, теперь «имела его в виду», однако Обер хотел подстраховаться. Да и почему бы не помочь с исследованиями по цикломатрике племяннице своего друга Хорригора, желающей вернуть мать? Тем более что добыть деньги для Обера не было проблемой: благодаря своему специфическому умению, вместе с генетической памятью доставшемуся по наследству от предков-пандигиев, он успешно играл в казино, и это давало ему средства к безбедному существованию. Вот и сыграл в очередной раз — на Актории, подальше от

дома... Ну, и университет добавил какую-то сумму из своих накоплений — и космоход «Занди» получил прописку в космопорте Туратрена — ближайшем к столице. Теперь Обер вместе с Маркассой вновь летели в гости к Троллору Дикинсону, чтобы отметить это событие. Руководство университета хотело устроить целое торжественное мероприятие и публично, с привлечением массмедиа, выразить благодарность меценатам, но Обер отказался. Ему совсем не хотелось привлекать внимание к своей персоне, а особенно к своему методу добывания денег. Хватало и того, что об этом знал служащий полиции Шерлок Тумберг. Вообще, Обер сблизился с Троллором во время совместного полета на «Пузатике» и предыдущего пребывания в гостях у главы «Сокоманской Империи», и поэтому с удовольствием принял его приглашение.

Хорригор, кроме организации сбора средств у проживающей на Дредейне родни, поведал Эннабел такие тонкости цикломатрики, которые не преподавали в университете, потому что не знали о них. А Хорригор знал, с тех давних времен, когда возглавлял иргариев, боровшихся за власть в Галактике с пандигиями. Ушли в небытие разбитая сила Ирг, а потом и победившая сила Пан, но ни иргарии, ни пандигии, как оказалось, не исчезли из мироздания. Осколки двух этих сил до сих пор

были разбросаны по разным мирам...

Разумеется, никто не посвящал капитана Макнери в историю бывшего «темного властелина» Хорригора Гиррохора Роданзирры Тронколена. Поэтому у него могли бы вызвать удивление некоторые застольные высказывания этого морщинистого сапиенса с вытянутым кверху черепом, поросшим редкими блекло-рыжими завитками, и квадратной бородкой — жалким подобием бороды самого космического волка. Могли бы вызвать, но не вызвали. Во-первых, мало ли что там болтает этот старец, с азартом налегающий на коньяк, а во-вторых, тот же коньяк помогал капитану воспринимать все без удивления, как само собой разумеющееся. Ну, например, упорно называет Хорригор Дрединой планету Дредейн в системе Корбиера, откуда он, Хорригор, родом — и что из того? Наверное, так ему привычней. Называет же кое-кто Лабю Лабушкой. Говорит о каких-то древних битвах на разных планетах? Так, видать, фильмов всяких фантастических насмотрелся, запали они ему в душу... А может, увлекается палеоисторией. Вон, заявляет, что намерен побывать на всех ста сорока с лишним планетах Межзвездного Союза... Видать, засиделся на своей Дредине... то есть Дредейне...

По словам не перестающего дозаправляться коньяком Хорригора, он успел побывать уже в

тридцати семи мирах, попутно надиктовывая мемуары. («И что за мемуары могут быть у того, кто всю жизнь просидел в своем захолустье? — подумал Макнери. — Или старикан не прочь пофантазировать? Или он не только сиднем сидел в родовом гнезде, а успел побродить по свету?») Теперь Хорригор собирался на Нибею — вторую населенную планету системы Беланды, а по пути намеревался заскочить к племяннице, Эннабел Дикинсон, и посмотреть, как далеко она продвинулась в физико-математическом моделировании космоворотов. Для прибытия на Лабею он вполне мог воспользоваться селебийским межсистемником, но специально поджидал лайнер Макнери, чтобы иметь возможность вновь отведать великолепный коньяк капитана. (Ни на одном из тех кораблей, на которых он уже успел полетать, такого коньяка, по его словам, не нашлось.) Хорригор очень обрадовался, встретив в космопорте «Динтин» Обера и Маркассу. Они прилетели с Клончера и намеревались сделать пересадку на «Пузатик».

Вот так и получилось, что великая выдумщица Жизнь вновь свела тех, кто не так давно уже был вместе. Как подчеркнул Линс Макнери, провозглашая очередной тост, бытие бывает гораздо более непредсказуемым, чем его описывают в книгах, ибо сюжеты книг

придумывают писатели, которые сами являются элементами бытия, а бытие придумывает само себя, и поэтому... Тут капитан потерял мысль — точнее, она сама где-то потерялась, — махнул левой рукой, а правой выплеснул в рот содержимое очередной рюмки. Его тост в очередной раз доказывал, что Космос сделал Линса Макнери философом.

Беседа текла и текла вместе с коньяком и белым вином, которое пила Маркасса. Впрочем, она уже не пила — ей вполне хватило двух бокалов, чтобы слегка опьянеть, а к большому пандигийка не стремилась, это было не в ее правилах. Мужчины же, проявляя заслуживающую уважение стойкость, заканчивать с поглощением «Арарата» не спешили. И умудрялись общаться так внятно, что Маркасса разбирала почти все их слова. Разговор, сделав виток, вернулся к теме космоворотов — этих не поддающихся предсказанию грандиозных феноменов, что возникали на окраинах планетных систем, — и Хорригор заявил, что теперешние космовороты мелковаты по сравнению с прежними. И добавил, осушив рюмку:

— Я знаю случаи, когда в таких завихрениях бесследно исчезали целые планеты!

— Что вы говорите, профессор! — иронично усмехнулся Макнери. Во время долгих рейсов он

иногда смотрел унивизор и даже читал элки², и в голове его хранилось множество самых разнообразных сведений на любые темы. Хорригор опять фантазировал, но в этот раз капитан решил его немного осадить, дабы дредейнец не считал, что все вокруг такие уж простофили. — И когда же и где же такое происходило?

— В разных местах, — уклончиво ответил Хорригор и потянулся к блюду с остатками симбошек. — Это было давно, Линс, очень давно, и нынешние ученые об этом понятия не имеют.

— Ну да, ну да, — покивал Макнери. — А вы, значит, имеете.

— Представьте себе! — вскинулся иргарий. — Я имею понятие о таком, что... что... силы первичные! — он махнул рукой и вновь выпил.

Макнери только скептически хмыкнул и подлил себе коньяка. А Хорригор вернулся к той же теме:

— Не берусь утверждать, что это правда, но я еще в детстве слышал легенду о планете, которая угодила в космоворот, но сумела уцелеть. Ее выбросило на другом конце Галактики, вдали от звезд, и там она подхватила какую-то болезнь. А на Дредине мои родственники рассказали мне о

---

² Элка — электронная книга.

пандемии, когда-то выкосившей почти все обитаемые планеты... Ну, насколько это им известно... — Он повернулся к Оберу: — Помнишь, Спиноза говорил о «Татауинском свитке»?

Пандигий сдвинул брови, стараясь сообразить, о чем идет речь, и признался:

— Нет, что-то не припоминаю.

— А я помню, Уир! — размашисто качнул головой Хорригор. — В свитке было написано, что после победы силы Бан над силой Ырх пришла иная сила и растворила Бан. Я тогда подумал, что имеются в виду некие агрессоры, но теперь думаю иначе. Иная сила — это пандемия! Родичи сказали, что ее называли Ролу Гон, то есть Северный Ветер. Он прогулялся по Галактике, и она почти опустела.

— А почему же он не коснулся Дредины? — спросил Обер.

— Не знаю... Может, и коснулся, но род Тронколен как-то выжил. Тут я ничего утверждать не берусь, нет у меня никаких фактов. И какой природы эта пандемия, тоже не знаю. Да и никто не знает.

— Веерный Север... — пробормотал Макнери, озабоченно присматриваясь к очередной опустевшей бутылке. — Если верить каждой легенде, то...

Он многозначительно пошевелил пальцами, с

усилием воздвигся из кресла и, чуть покачиваясь, направился к шкафу за добавкой. Воспользовавшись этим, Маркасса подалась к Оберу и шепнула:

— Может, пора закругляться? Все-таки капитан на работе...

Пока пандигий уяснял смысл сказанного и подбирал слова для ответа, Макнери вернулся и откупорил новую бутылку.

— Я тоже знаю немало легенд, — сказал он, стараясь не пролить коньяк мимо рюмок. — Так вот, насчет космоворотов... Летела тут однажды целая компания ученых... на какую-то конферен... астероид мне в дюзу! — последние слова вырвались у капитана, когда он все-таки промахнулся, оросив коньяком недоеденный розовый брикетик щилвицы. Что было ему несвойственно. — Летели, значит, летели, выпивали, само собой... И вот после пятой или шестой, уже не помню, один и заявляет, бородатый такой, важный, что космовороты — это как бы пылесосы... Втягивают все, что попадет, отсюда и выбрасывают в другую Вселенную. Причем не просто втягивают, а выворачивают наизнанку. Другая Вселенная — это как бы противовес нашей, что-то в этом роде... Он там столько разных терминов понаворачивал, что и не упомнить. Они же всегда стремятся позаковыристее, чтобы сразу видно было:

уче-онный!

Хорригор вообразил свою сестру вывернутой наизнанку, содрогнулся и поспешно влил в себя коньяк. Вновь содрогнулся, теперь уже от крепости напитка, наставил палец на капитана и почти внятно произнес:

— Ерунду он говорит, этот ваш уче-онный. По одному когтю тормака судит обо всем тормаке! Что за душой у этих ваших ученых? Жалкие полсотни случаев, если не меньше? Не маловато ли для обобщений? Вот если бы он проанализировал сто тысяч случаев, да по всей Галактике, то, возможно, взял бы в толк...

Он осекся, потому что Обер пнул его под столом ногой. Не стоило демонстрировать свои знания на каждом углу. Об этом Хорригора настоятельно просили представители союзных спецслужб, с которыми он имел встречу в Лисавете — столице Межзвездного Союза. Его препроводили туда с Лабей, где он гостил у Троллора Дикинсона в ожидании карточки личности, и бывший глава иргариев показал «лисам» кое-какие свои знания и умения. А всеми остальными талантами пообещал поделиться только после того, как посетит родню на Дредейне и побывает на всех планетах Союза.

Впрочем, Хорригор замолчал не потому что вспомнил о предостережении «лис», а потому что не понял, какая сила вызвала внезапные

болезненные ощущения в его не защищенной штанами голени. Иргарию даже подумалось о метеорном теле, пронзившем «Пузатик», и он, резко отодвинувшись вместе с креслом от стола, нагнулся и устремил затуманенный коньяком взор на пострадавшую ногу.

Макнери истолковал эти порывистые движения по-своему.

— Ничего, ничего, Хор, облегчайтесь, — добродушно махнул он рукой. — Приберем. С пассажирами это случается.

Осознав, что его заподозрили в желании блевануть, Хорригор мгновенно выпрямился и покосился на спокойную Маркассу.

— Даже бушворки не позволили бы себе такого, а я все-таки сатраприний! — заявил он и вновь придвинулся к столу, уже забыв от возмущения и о ноге, и о метеороиде. Тем более что никакого метеороида он под столом не обнаружил.

Хороший глоток коньяку притушил негодование иргария, и он смог сконцентрироваться на словах Макнери. Который этого негодования и не заметил.

— Да, легенды иногда подтверждаются, — вещал капитан, наконец-то поставив рюмку и откинувшись на спинку кресла. Это он уже отвечал на замечание Обера о том, что не всегда неправдоподобные истории являются вымыслом. —

Вернее, кое-что в легендах. Подземное поселение хакхов на Тремулине нашли именно благодаря местной легенде о Золотом Городе. Да взять мавзолеей того же нетленного Илча на Симбири...

— Или легенду о дочери Заказара, — вставила Маркасса.

— Совершенно верно! — кивнул Макнери, хотя никогда не слышал ни о Заказаре, ни о его дочери. — Да и Атлантиду древнюю все-таки обнаружили на Земле. Пускай она оказалась совсем не такой, как говорили, никаких чудес и всяких там научно-технических штучек, но все-таки... Дым не без огня... Согласен. Однако и вы должны согласиться, что все это лишь единичные случаи, а основная масса таких историй — выдумки чистейшего коньяка! — он подался было за рюмкой, но вспомнил, что предстоит еще выпить перед входом в Дыру, и сдержал себя, сцепив руки на животе. — И если наши... э-э... мудролюбыв будут при построении своих теорий руководствоваться легендами, то я бы таких деятелей лишал зарплаты. И вообще загонял за Можай! — Капитан встрепенулся: — Кстати, Можай! Вот вам и еще одна легенда.

— А что за легенда? — любопытствовал Обер.

— Легенда неизвестно чья, но бродит по свету давно, — ответил Макнери. — Во всяком случае, я

ее слышал еще в колледже, мы там друг другу после отбоя много всяких баек рассказывали. Эх, было времечко... — он мечтательно поднял глаза к потолку. — Танцульки... Драки с местными... Я в Абесском космолетном учился, а что такое Абесса? Это отдельная песня. Море Понтийское... Рынок огромный... Оперный театр... Кабаков разных не счесть... Пиво замечательное, и рыба... Рыба и пиво... м-м!.. А как там говорят — заслушаешься! И поют... «Ах, Абесса, жемчужина у моря!» А футбол! «Понтоморец» — куда там до него кальмийскому «Гимли»! А девушки! Какие девушки! О-о... Всем девушкам девушки!

— Вы начали о Можаяе, — напомнил Обер, возвращая Макнери из города его молодости в капитанскую каюту дальнолета «Пузатик».

— О каком еще Можаяе? — всем телом повернулся к нему труженик звездных дорог, стараясь сфокусировать взгляд. — Ах, да, о Можаяе! — Он взял свою рюмку, заглянул в нее, потом подул и, поколебавшись, все-таки поставил на место. Вернее, в собственную тарелку, прямо в остатки фаршированного кусанского плоскохвоста. — Легенда, говорю, такая. Типа как о планете Эльдорадо, которую все искали, да никто не нашел... Или об этой — как ее? — Шандале. Или Шанбале? Откуда взялись такие слухи — никто не знает. Есть, мол, такая планета Можай, на

самом краю Галактики, а за ней ничего. Полетишь дальше — угодишь в такую пер... пертурбацию, что вынесет тебя на другой край, и собственным зеркальным отражением... И все у тебя поменяется, но не как в космовороте, а в духовном плане: был смельчаком — станешь трусом, был добрым — станешь злым, любил женщин... — Макнери запнулся, немного посидел молча и хлопнул ладонями по коленям. — В общем, такая вот загогулина...

— Интересно... — сказал Хорригор, поставив локти на стол и подпирая руками голову, которой явно хотелось упасть в тарелку. — Не приходилось слышать... Хотя на краю Галактики мне доводилось бывать.

Капитан расплылся в благосклонной улыбке.

— Все шутите, Хор? Только не говорите, что работали в Службе дальней разведки — она туда еще не добиралась. И вряд ли доберется в обозримом будущем — нечего там делать. Территорий свободных у нас немерено, средства на такое никто выделять не будет, а свои кровные эти мудролюбы вряд ли выложат. Да и нет там никаких чудес, и никакого Можая тоже нет. Это все так... — он поднял руку и пошевелил короткими крепкими пальцами. — Болтовня... Пустота там одна, на краю Галактики, лишь ветры космические летают... Пустота, вот и все...

Некоторое время сотрапезники молчали, рисуя в своем воображении край Галактики. Потом подала голос Маркасса:

— Это когда я еще в боксе у Бенедикта сидела, и мальчики не знали, что я вместе с ними еду, он мне стихи читал, развлекал. И одно сейчас как раз кстати будет, я его запомнила, у меня память хорошая... Алькор сочинил... Вот, послушайте:

Сквозь космический
холод к загадочной цели
стремились —

Огоньки
индикаторов, пение
пультов, экранов
мерцанье,

Мельтешение чисел,
таблиц, генераторов гул
приглушенный —

С каждым часом всё
ближе...

И миг долгожданный
настал!

Не поверив глазам
своим, замерли... Поняли
всё... Разозлились!

Столько напрасных

трудов, столько лет...
Столько лет ожидания!
Столько стремления
к россыпям звезд
отрешенных!
А наяву лишь одно:
Пустота.
Пустота...
Пустота...

— Вот именно, — расслабленно кивнул Линс Макнери. — Он что, из Дальней разведки, этот Алькор? И имя звездное...

Маркасса медленно помотала головой.

— Он еще до Экспансии жил, в Темные века.

— Ну, молодец. — Капитан сосредоточился, как тяжелоатлет перед штангой, и решительно взял рюмку. — За такое не грех и выпить!

— За пустоту? — с иронией спросил Хорригор.

— За стремление! — ни секунды не промедлил с ответом Макнери и тут же выпил.

Обер и Хорригор последовали его примеру, и даже пандигийка сделала глоточек вина. Впрочем, в саронском белом градусов было немного. Хотя сами саронцы временами ухитрялись напиваться им так, что начинали вопить о своей исключительности и выходе из Межзвездного

Союза.

Неизвестно, какое направление приняла бы далее застольная беседа, но тут за спиной капитана тренькнул сигнал внутренней связи. Макнери с еще большим трудом, чем в прошлый раз, выбрался из кресла и, шагнув к экрану, повернул его от стола.

— Что стряслось, Ноник? — строго спросил он появившегося на экране оператора дальсвязи, и теперь по его дикции никто бы не заподозрил, что космический волчара от души испил коньяка.

— К нам идут гости, — сообщил оператор. — Глиссер бежевых.

— Бежевые гости идут в гости... — озадаченно пробормотал Макнери и крепко ухватил себя за бороду.

Глава 2. Куда Макар телят не гонял

Но все-таки слышим
нередко
Сейчас, как тогда:
«Ты бы пошел с ним
в разведку?
Нет или да?»

**Из песни Темных
веков.**

— Вот они, голубчики, — блеклым голосом сказал Дарий Силва, когда танк въехал в высоченные распахнутые ворота заброшенного заводского корпуса.

— Игра началась, — добавил Тангейзер Диони, тоже глядя на экран.

— А игроки все те же, — уныло произнес танк.

Да, тут собрались все те же. Их хорошо было видно в лучах вечернего солнца, беспрепятственно проникающих в оконные проемы, — сотни полторы фанатов местного «Лурга» и примерно столько же приезжих, два часа назад, на стадионе, неистово болевших за свой «Тикабал». На трибунах им особенно развернуться не дали, и фанаты, как всегда, решили пообщаться после матча. На этот раз выбрав территорию старого завода на окраине Фортицы. Футбольный чемпионат был в полном разгаре, столицу Флоризеи посещали болельщики разных команд, и столичная полиция прилагала немало сил, чтобы город не особо страдал от таких набегов. Обычно стражи порядка худо-бедно справлялись с этой задачей, но когда дело касалось фанатов «Тикабала», приходилось прибегать к помощи армии. На главных магистралях появлялись танки. Полиция и армейцы брали в тройное кольцо оцепления территорию вокруг

двухсоттысячника, а те, кто был равнодушен к футболу, старались в такие вечера не выходить из дому. Противостояние, а если называть вещи своими именами — ненависть фанатов соперничающих клубов постоянно подогревалась средствами массовой информации, принадлежащими представителям разных лагерей, и обстановка в столице в дни матчей была далека от идиллии. Положение дел в этом секторе жизни общества ничуть не улучшалось с Темных веков, и даже самые заядлые оптимисты не верили в то, что ситуацию можно изменить.

Стычки молодых, в большинстве своем, фанатов на стадионе и на улицах Фортицы удавалось предотвращать. Но тот, кто стремится на футбол с целью, в основном, пооскорблять и подраться, всегда найдут место для выяснения отношений. На окраинах столицы таких мест хватало, и бои там разгорались нешуточные. Если только вовремя не вмешивались силовые структуры.

В данном случае, боевая единица танковых войск Флоризеи — оперативный танк серии «Мамонт», снабженный квазиинтеллектуальной системой и именующий себя Бенедиктом Спинозой, успел к началу побоища — противостоящие стороны только-только начали сходиться. Знаменитый философ Темных веков и представить

себе, наверное, не мог, что под его именем будет действовать боевая машина, созданная на планете Уралия, — там, в городе Челябине, находился крупнейший танковый завод Межзвездного Союза. Спинозу сработали с применением архамассы, которую добывали в недрах планеты Пятая Точка, и, может быть, поэтому, бронеход любил поговорить. Причем довольно часто изъяснялся не прозой, а стихами... точнее, стихками. Вот и сейчас, въехав в огромный цех и остановившись по приказу Дария Силвы неподалеку от ворот, он спросил сочным баритоном:

— Надеюсь, командир, стрелять не будем и по-другому головы остудим?

— Разумеется, — ответил Дарий. — Заодно и помоются ребята, причем бесплатно, и тепленькой водичкой. Так что, получается, не остудим, а согреем.

Фанаты, собравшиеся в давно оставленном без оборудования цехе, не обратили внимания на застывшую в отдалении громадную боевую машину обманчиво нежного розового цвета. Каждая группировка — красная и сине-белая — следила только за своими противниками. И зря. Фанаты не успели еще пустить в ход кулаки, как из танка по ним ударили струи воды. И не летний дождичек это был, и даже не ливень — от такого напора никто не устоял на ногах, и обе когорты понесло к стене

цега. Несостоявшиеся драчуны извивались на полу, даже не помышляя о сражении и беспокоясь лишь о том, чтобы не захлебнуться в теплой, но очень жесткой воде. Вода была не простой, а с доброй примесью успокоительного. Оно успешно и надолго смягчало самый буйный нрав — и стремление почесать кулаки быстро сменялось у фанатов желанием полюбоваться природой и подумать о своем месте в этом мире.

— Хватит, Бенедикт, — сказал Дарий и вызвал на связь уже знакомого экипажу постсержанта полиции. — Миртак, подъезжайте, можно забирать.

— Кстати, а как «Лург» сыграл-то с «Тикабалом»? — спросил Тангейзер.

Силва пожал плечами.

— Никогда не интересовался «Лургом». Я за своих болею, за вертскую «Гаволу». А столичным клубом пусть столичные и интересуются.

— Ничья, два — два, — сообщил танк. — На восемьдесят второй минуте «Тикабал» не забил пенальти. На форуме фортичане в один голос заявляют, что пенальти дали ни за что.

— Обычная история, — кивнул Дарий. — Пенальти в ворота хозяев поля всегда дают ни за что.

Танк задним ходом выбрался из ворот, развернулся и двинулся навстречу полицейским

фургонам. Те уже пылили по усеянному каким-то хламом заводскому двору. Сейчас красных и полосатых рассортируют, и фанатов «Тикабала» увезут на вокзал — пусть едут себе в свой приморский город. А местные и сами до дому доберутся. Желания маршировать по улицам, выкрикивая речевки, у них после успокоительной водички не появится. А если все-таки появится — у особо стойких, — то переночуют в отделении полиции за нарушение общественного порядка, а потом две недели будут безвозмездно вкладывать свой труд в благоустройство и озеленение родного города.

— Еще один очень плодотворно проведенный день, — с какой-то тусклой интонацией произнес танк, оставив позади заводскую территорию и направляясь к окружной дороге, в сторону воинской части. — Великий подвиг — с соплячем воевать. Надоело...

Тангейзер тихонько вздохнул и бросил взгляд на сидящего в соседнем кресле Дария. Тот молча прищурился и стиснул зубы.

Возражать не приходилось — служба в танковых войсках Флоризеи, куда перебрались с планеты Пятая Точка Дарий и Тангейзер, проходила бесцветно. И если бы не периодическое участие в обуздании футбольных фанатов, то и вспомнить было бы нечего. Нет, проводились в

батальоне и учения, и какие-то там занятия. И увольнение можно было провести не в поселковом кабаке, как раньше, а в разнообразных питейных заведениях столицы... Ну, и в театр сходить, если захочется, и в музеи — батальон, где служили получившие новые звания подкапитан Силва и постлейтенант Диони дислоцировался в ближайших окрестностях Фортицы. Правда, город никак не тянул на звание мегаполиса, но был, конечно же, крупнее Поселка-7 на Пятой Точке. Однако служба все-таки казалась обоим бывшим пограничникам пресноватой. Не было в ней риска, как во время дежурств у Пузыря, а ведь только риск делает особенно прелестной обычную жизнь. И уж никак нельзя было сравнить батальонное существование с походом по просторам Пузыря, закончившимся в подпространстве — Авалоне. И танк тоже был не в восторге от такой службы, и гораздо реже, чем раньше, говорил стихами. Да и вообще все больше молчал. Единственный «мамонт» среди «трицератопсов», он тяготился серостью теперешнего бытия и мечтал об исследовательском поприще.

Через некоторое время после возвращения танкистов из Пузыря прибыла на Пятую Точку целая комиссия: военные чины из самого Лисавета, ученые — творцы серии «Мамонт», представители челябского завода-изготовителя. Они подвергли

уникальный танк тщательнейшей проверке, вели с ним многочасовые беседы — и наконец отбыли, так и не огласив своих выводов. Однако новые бронеходы этой серии в войска пока не поступали. Возможно, машина показалась членам комиссии чересчур умной, и с внедрением ее решили не спешить. А вдруг супертанк попытаются использовать разные сепаратисты? Во всяком случае, многие на погранзаставе считали, что опасения у комиссии были именно такие. А Спиноза тихо радовался тому, что его не пустили на переплавку. Впрочем, слишком дорого он стоил, чтобы закончить свое существование столь бесславно.

Покинув Пятую Точку, Дарий и Тангейзер побывали на Лабее, в гостях у Троллора и Эннабел, и встретили там Обера с Маркассой и Хорригора. Все получилось очень здорово, и рекой текли не только напитки «Сокоманской Империи», но и гораздо более крепкие. Помня об увлеченности красавицы-студентки цикломатрикой, Дарий еще до визита на Лабее потихоньку начал вникать в ее азы и запомнил кое-какие термины. Что очень поспособствовало его сближению с девушкой. Кстати, именно тогда Силва и узнал, почему наука о космоворотах называется именно так. Оказывается, творцом цикломатрики был берсиец Циклориендас Матрикандиленди...

Тангейзер, потерявший всякие виды на Эннабел, которая оказалась его сестрой по отцу, был несколько удручен. Однако вновь воспрянул духом, когда девушка познакомила его со своей однокурсницей Улей Люмой. Стройная шатенка с короткой стрижкой была не такой эффектной, как ее подруга, но очень даже ничего. Вполне во вкусе Тангейзера. И рост у нее был подходящий для отнюдь не гиганта танкиста — ее макушка едва доставала ему до носа, а это весьма немаловажный фактор благоприятного развития отношений. Специалист по танкам захлеб рассказывал Уле о ТТХ боевых машин, их ремонте, обслуживании и эксплуатации, а старшекурсница с немалым упоением расписывала новому знакомому тонкости цикломатрики. И как ни странно, они вполне понимали друг друга.

Дарий вернулся на Флоризею, в свой опустевший после гибели родителей дом, а Тангейзер побывал в Дангобере и посмотрел, как устроила свою жизнь его мать. А потом отпуск у танкистов кончился, и они приступили к службе в отдельном танковом батальоне флоризейских вооруженных сил.

И окунулись в рутину...

...Подъезжая к КПШ, танкисты увидели командира батальона Милицу. Он расхаживал поперек дороги, залитой светом прожекторов. Руки

грузноватый постмайор сцепил за спиной, голову для противовеса наклонил вперед и вышагивал себе, дыша вечерним воздухом. Особенно полезным по причине подступавшего к самой дороге с обеих сторон хвойного леса, куда танкисты частенько наведывались за грибами. Судя по характеру маятникообразного перемещения по дорожному полотну, комбат Милица не только побывал на футболе, но и порадовал собственный организм вкусными спиртосодержащими напитками. Дежурный стоял у ворот навтытяжку и, на всякий случай, дышал через раз. Хотя постмайор не отличался суровым нравом и был если уж не отцом подчиненным, то и не злым дядькой.

Спиноза деликатно сбавил ход до минимума. Завидев приближающуюся громаду «Мамонта», комбат остановился, повернувшись к бронеходу, и выставил скрещенные руки перед собой. А когда танк замер в десятке метров от него, поманил пальцем.

— Вылезаем, — скомандовал Силва. — Миле пообщаться приспичило.

— Очень мило, — скучным голосом сказал Тангейзер и встал с кресла.

— Мама мыла мылом Милю... — изрек танк. Снаружи его слов слышно не было.

Дарий и Тангейзер один за другим выбрались из бокового люка на дорогу и встали по стойке

«смирно». Комбат неторопливо приближался к ним. Силва открыл было рот, собираясь отрапортовать по-уставному, но Милица мягко повел рукой, изобразив в вечернем воздухе нечто волнистое, и столь же мягко спросил плывущим голосом:

— Ну, что, бойцы, утихомирили подрастающее, значит, поколение?

— Так точно, господин постмайор! — тут же гаркнул Силва.

Комбат остановился перед танкистами, обвел их кротким, таким же плывущим, как и голос, взглядом и упер руки в бока.

— Небось, сами такими же были лет, значит, десять назад?

Десять лет назад Силва был совсем не таким, но не стал развеивать иллюзии командира.

— Так точно, господин постмайор!

— Знаю, знаю, — улыбнулся Милица и показал рукой, что подчиненные могут встать в свободную позу, как по команде «вольно». — Сам грешил по малолетству. «Давно уж знают все вокруг, что чемпионом станет «Лург»! Та! Та! Та-та-та!» Да, махались знатно... — он осторожно потрогал подбородок, и взгляд его стал задумчивым и теплым.

Видно, воспоминания были хорошие. И настроение у постмайора было хорошим, и ему просто хотелось поговорить.

Ни Дарий, ни Тангейзер никаких вкусных алкогольных напитков сегодня не пили. И еще, в отличие от комбата, уже, несомненно, плотно поужинавшего, они из-за футбола ужин пропустили. И теперь им предстояло довольствоваться тем остывшим, что завалилось на кухне. Если завалилось. Закрома Спинозы были давно пусты, от деликатесов Маркассy там не сохранилось даже запаха. Однако танкистам не оставалось ничего другого, кроме как слушать неторопливую речь своего напившегося и наевшегося командира.

— Да, махались знатно... — с удовольствием повторил постмайор, зажмурившись и чуть ли не облизываясь, и столь же осторожно погладил левой рукой костяшки пальцев правой. — И не всегда, значит, честно... — Он встрепенулся: — Но пенальти сегодня ни за что дали! Убивают нас, просто убивают... Какой-то судейский заговор... — Милица горестно покачал головой. — Что, не так, скажете?

— Так точно, господин постмайор! — с готовностью подтвердил Силва, буквально физически ощущая, как печалится желудок.

— Убива-ают... — грустно повторил командир батальона. — С нами, фанатами, тоже, значит, раньше не церемонились, не то что сейчас. Не душ устраивали, а дубинками. А украдкой — и

коленом по яйцам... И правильно делали, я вам скажу... — Комбат почесал там, куда его в юности били коленом, обвел проникновенным взглядом темное небо с сытыми звездами и всмотрелся в округлый, тоже сытый, как сейчас казалось голодному экипажу, бок танка. — Почему грязь? Где это вас носило, бойцы?

— В сто первом микрорайоне, господин постмайор, — пояснил Дарий. — На старой площадке вагонзавода. Там скоро не только грязь — монстры какие-нибудь разведутся.

— Да, недорабатывает мэрия, не дорабатывает, — осуждающе сдвинул брови комбат. — Но это не снимает с вас ответственности за внешний, значит, вид боевой машины. Стыдно, бойцы!

— Разрешите отправиться на мойку? — тут же выпалил Дарий.

Постмайор не успел никак отреагировать, а из бока Спинозы уже вылез манипулятор. Сделал несколько движений — и бок засиял чуть ли не ярче прожекторов у КПП.

— Вот это, я понимаю, машина! — восхитился Милица, но тут же назидательно поднял палец. — Однако устранять недочеты, изъяны и погрешности внешнего вида надлежит не после замечания командира, а до, значит, этого замечания.

Дарий подумал, что если устранять «до», то и замечаний не будет, но, разумеется, ничего не сказал.

— Ваше указание исполнено, господин постмайор! — четко и звучно доложил Спиноза.

— Правильно и своевременно отреагировал, боец, — одобрительно сказал комбат и окинул танк пристальным взглядом. Словно только сейчас что-то понял для себя.

Дарий услышал, как забурчало в животе у тоскующего рядом Тангейзера. Дежурный у ворот по-прежнему стоял, вытянувшись в струнку, хотя Милица на него не смотрел. Из глубины воинской части доносились чьи-то веселые сытые голоса. Теплый весенний вечер неумолимо перетекал в ночь, и обитатели хвойного леса, неторопливо и плотно поужинав кто чем, устраивались на ночлег.

— И вот такая машина, считай, простаивает, — задумчиво произнес постмайор. — Задач серьезных нет и, к сожалению, не предвидится... То есть простаивает, значит, уникальная машина, ухода требует, место занимает, и коэффициент, значит, ее полезности ниже уровня отрицательного нуля... Или даже двух нулей... Мда-а... — Милица осуждающе покачал головой и шумно вздохнул, подавив своим выхлопом все ароматы хвойного леса.

А Дарий осознал, что клубок тоскливых

мыслей о еде растолкала иная мысль — решительная, даже дерзкая, и мускулистая.

— Возможности у этой машины потрясающие, господин постмайор, — проникновенным голосом начал он, для убедительности прижав руки к груди. — Мы с ней многое прошли, это же чудо, а не танк! Спиноза больше чем танк, он может столько пользы принести, именно пользы, господин постмайор! Да он в одиночку в Дальней разведке может такие задачи решать, сколько и экспедиция в сотню человек не решит. И простаивать не будет, и прибыль нашей части принесет, причем самую что ни на есть материальную! Да, я понимаю, что...

— Стоп, стоп! Что за прибыль? — насторожился комбат.

— Отдать его вместе с экипажем, то есть со мной и Тан... постлейтенантом Диони, в аренду Службе дальней разведке! Они на оплату не поскупят, им же выгоднее нас двоих послать вместо сотни, которую и кормить надо в пятьдесят раз больше, чем нас, и платить каждому, причем немало... А нам платить не надо, мы жалованье и так получаем. Ну, разве что какие-нибудь премиальные...

— Вот так, значит... — Милица, слегка покачиваясь, обхватил ладонью подбородок.

— И вас, господин постмайор, поощрят за

инициативу, — подал голос Тангейзер, и голос этот был вкрадчивым. — Такое далеко не каждому может прийти в голову. Далекое не каждому!

Туманная пелена исчезла из глаз комбата, словно унесенная ветром.

— А мне, значит, пришло... — пробормотал он и замолчал.

Видно было, что Милица рассматривает эту мысль со всех сторон, и она, кажется, ему нравится. А Дарий вспомнил, как уговаривал лейтенанта Тамерлана Бебешко отправить Спинозу в поход по пространствам Пузыря. Ситуация была весьма похожей... Да и Милица чем-то напоминал взводного Бебешко.

— Князю прибыль, белке честь, — непонятно сказал танк.

Вернее, это Дарий его не понял. А комбат, кажется, понял прекрасно. Потому что вновь выдохнул алкогольные пары и внес поправку:

— Князю прибыль, князю же и честь. А ты, боец Спиноза, как? Не прочь поработать на благо Дальразведки?

— Только об этом и мечтаю! — без запинки ответил танк.

— Та-ак... — Милица заложил руки за спину, ссутулился и вновь принялся выхаживать туда-сюда между обочинами, поросшими пыльной травой.

Тангейзер легонько толкнул Дария в бок, и

когда тот повернул голову, показал поднятый большой палец. Силва, сдвинув выгоревшие брови, молча приложил указательный палец к губам. А танк вдохновенным голосом продекламировал:

«Шерманы»,
«тридцатьчетвертки» и
прочие предки
Даже мечтать не
могли о работе в Дальней
разведке.

Память о каждом из
них я в душе навсегда
сберегу,

В грязь не ударю
броней и сделаю все, что
смогу!

— Да ты у нас поэт, братец, — остановившись, уважительно сказал комбат, доселе не знавший об этой особенности Спинозы. — И про грязь это ты хорошо... «В грязь не ударю броней»... Стихи, значит, сочиняешь... И о чем-нибудь другом сочинить можешь?

— Могу о чем угодно, господин постмайор! — не стал скромничать бронеход.

Милица еще немного походил по дороге, теперь уже кругами, все больше замедляя шаг.

Наконец он остановился и повернулся к поедающим его глазами (за неимением другой пищи) танкистам:

— В общем, так, бойцы. Возражений не имею, и завтра же, значит, доложу по инстанции. Но с одним условием. На той неделе жена нашего окружного штабиста день рождения празднует, я в числе приглашенных. Нужно ей поздравление сочинить. Справишься, боец Спиноза?

— Так точно, господин постмайор! А как имя жены?

— Лонечка... э-э... то есть Алонтальна.

— О, роскошное имя! — воскликнул танк. — Легко рифмуется с самыми разными и очень подходящими к случаю словами. Например: она феноменальна... Высокоинтеллектуальна... Все может разобрать детально... Она красива, как медаль на... Прелестна в общем и локально... И просто суперсексуальна...

— Э-э! — замахал на него руками комбат. — А вот об этом не надо!

— Может, лучше: «Она в любви маниакальна?» — предложил Спиноза.

— Нет-нет! Никаких намеков! Ты соображаешь, что несешь, боец?

— Виноват, господин постмайор!

— Виноват он... — пробурчал Милица. — Никаких сексуальных, анальных, оральных и

ненормальных! Такие дела не афишируют, неужели непонятно? В общем, если будет достойная поэзия, будет вам всем и Дальняя разведка!

Вероятно, зернышко упало на подготовленную почву, потому что не прошло и месяца с этого разговора у ворот воинской части, как военный транспортник принял на борт Дария, Тангейзера и Спинозу. Танкисты разместились в жилом отсеке, а танк — в трюме, и транспортник отправился с Флоризеи на Землю, столичную планету Межзвездного Союза. Речь не шла об увольнении танкистов из армии — экипаж «Мамонта» вместе с самим бронеходом был, как и предлагал Силва, сдан в аренду Службе дальней разведки.

Транспортник совершил посадку на военном космодроме «Вознесенск» к западу от столицы Межзвездного Союза Лисавета — мегаполиса, широкой полосой протянувшегося по степям до самого моря. Тут экипажу и бронеходу пришлось разлучиться. Спиноза обосновался в ангаре — с ним должны были поработать специалисты СДР, проверяя его способности и накачивая нужной информацией, а оба танкиста, пересев на военный мобиль, отправились на северо-восток, в город Тверь. Там находилась штаб-квартира Службы дальней разведки, а близ города располагался учебно-тренировочный центр СДР.

Ни Дарию, ни Тангейзеру не приходилось раньше бывать на Земле, и они с любопытством разглядывали открывающиеся с борта мобиля виды планеты, которая положила начало Межзвездному Союзу. Именно отсюда когда-то взяла старт Экспансия, и именно здесь располагалась вся союзная администрация. Чуть ли не половина суши Земли являлась если не заповедником, то историческим памятником. Населенность планеты находилась под строгим контролем, крупные промышленные и аграрные зоны были давно ликвидированы, и теперь основательница галактического объединения во многом зависела от иных миров. А основные свои доходы получала от индустрии социально-культурного сервиса и туризма.

В этих широтах подходило к концу лето — луга и леса еще радовали глаз зеленью, но она была основательно дополнена желтыми и багряными красками. С высоты поверхность планеты выглядела безлюдной, и только редкие скопления зданий, прорезанные полосками улиц, да мелькавшие вдали мобили, что летели встречным курсом, к столице, показывали, что Земля обитаема. Впрочем, в Межзвездном Союзе не было густонаселенных миров.

И вот что удивительно: хотя и Дарий, и Тангейзер родились очень далеко отсюда — один

на Флоризее, а другой на Яблочке, и в роду у Тангейзера были пандигии, не имевшие к Земле вообще никакого отношения, — они оба ощущали собственную связь с этой планетой. Странную связь, не поддающуюся какому-либо научному объяснению. И это было волнующе и приятно, и заставляло думать о том, что есть в мире некие незримые нити...

Тверь, раскинувшаяся на берегах трех рек, была явно обширней Фортицы. Над покрытыми густой пока листвой верхушками деревьев золотились купола храмов, по воде сновали мелкие суда, и сверху была хорошо видна четкая планировка центральной части города — расходящиеся от площадей лучи улиц, помнивших далекие Темные века. На одной из таких площадей и стояло, возносясь к небесам двумя десятками этажей, строгое серое здание Службы дальней разведки — прямоугольный параллелепипед с рядами окон. Там танкистам предстояло узнать, как именно их намерены использовать арендаторы.

СДР крайне редко упоминалась в средствах массовой информации. Она была довольно закрытой организацией, которая занималась делами, не очень-то интересовавшими рядовых граждан Межзвездного Союза. По слухам, эти дела у нее шли далеко не блестяще. Впрочем, к такому выводу любой обладатель мозгов мог прийти и без

всяких слухов. Зачем вести разведку дальних миров, когда, как справедливо отмечал капитан Макнери, свободных территорий в Союзе и так в избытке? Ну, разве что для того, чтобы выявить потенциальных агрессоров или найти планеты, до предела напичканные очень полезными ископаемыми. Но сырьё хватало, а обитатели новых миров ничем не угрожали благополучию галактического сообщества. Хотя точно сказать, что происходит в Дальразведке, и есть ли у нее успехи, непосвященные, к каковым пока относились Силва и Диони, не могли. Возможно, дальразведчики знали много всякого о таких мирах, названий которых никто и не слыхивал. Возможно, вели какую-то работу в этих мирах, наблюдали, изучали, занимались дипломатическими играми... Дарий и Тангейзер об этом понятия не имели, и могли сказать с определенностью только одно: за последние годы массмедиа ни разу не упомянули о том, что стараниями Службы дальней разведки обнаружена какая-либо новая планета.

В просторном кабинете на одиннадцатом этаже, откуда открывался вид на реку, танкистов встретил сухощавый дальразведчик, одетый под цвет серых комбинезонов Дария и Тангейзера. Только его одежда была штатской. Лер Добробако — так он отрекомендовался, — видимо, изучил все обстоятельства перемещения танкистов по

подпузырным пространствам на планете Пятая Точка. Усадив их в кресла и сев за стол, он цитировал целые куски из отчета Силвы и задавал множество вопросов. Складывалось впечатление, что дальразведчик хочет уяснить для себя все подробности действий экипажа «Мамонта» в той или иной ситуации, и это было понятно: посылать-то их собирались явно не в ближайший магазин за пивом...

(Попутно следует сказать, что ни Дарий, ни Тангейзер, ни Спиноза ни разу ни единым словом не упомянули о том, что в походе к Авалону участвовала и бойкая мамочка Тангейзера, благодаря которой удалось выбраться из древней ловушки иргариев. Об этой ловушке они тоже не говорили. И о появлении пандигийки на борту «Пузатика» в составе компании, возвращавшейся из Авалона, спецслужбы не знали, — а это могло бы очень усложнить ей жизнь.)

Вытянув из танкистов все, что только можно, Добробако наконец перешел к заданию, которое предстояло выполнять Дарию и Тангейзеру с помощью танка. Или танку с помощью Дария и Тангейзера. И то, что они слышали, повергло их в изумление.

— Вы отправитесь в экспедицию на Можай, — сообщил Добробако, налегая грудью на стол.

— В смысле? — захлопал глазами Дарий.

— Что — «в смысле»? — спросил дальразведчик.

— Ну, как это — «на Можай»? Это ведь все равно что на Кудыкину гору или... — Дарий наморщил лоб, припоминая. — Или в Караганду.

— Или куда Макар телят не гонял? — улыбнулся Добробако, тоже показав знание поговорок Темных веков. — Между прочим, Караганда на самом деле упоминается в исторических документах. Существовал такой город. И Можай тоже существует. Это планета в системе звезды Можай, вторая от светила. А всего там пять планет.

— Значит, такая планета действительно есть... — пробормотал Тангейзер.

— Действительно есть, — вновь улыбнулся дальразведчик. — Но это не тот Можай из поговорки, за который «загоняют», и за которым якобы проходит граница нашей Галактики. Однако и звезда, и планета названы именно в честь этого мифического Можая. И система, куда вы полетите, на самом деле находится очень далеко отсюда, на краю Галактики.

— И чем же она так привлекла Службу дальней разведки? — поинтересовался Дарий.

— Сейчас узнаете, господа танкисты, — кажется, у Добробако не было лимита на